

Бочкарев Андрей Евгеньевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Россия, 603155, Нижний Новгород, Большая Печерская, 25/12
bochkarev.andrey@mail.ru; abotchkarev@hse.ru

О чувстве долга как лингвоспецифичном концепте русского языка (в фокусе Национального корпуса русского языка)

Для цитирования: Бочкарев А. Е. О чувстве долга как лингвоспецифичном концепте русского языка (в фокусе Национального корпуса русского языка). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (1): 20–32. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.102>

Предметом статьи является корпусное исследование чувства долга в плане концептуальной конфигурации в русском языковом сознании. Обращение к Национальному корпусу русского языка представляется в этой связи тем более оправданным, что содержание анализируемого концепта не представлено в «готовом виде» ни в одном из отдельно взятых контекстов употребления, а реконструируется из совокупности всех возможных употреблений. О специфичной конфигурации можно судить по дистрибутивным возможностям, предметно-понятийным соответствиям, способности аккумулировать в качестве встроенных смыслов «ключевые идеи» русской языковой картины мира, а также пропозициональной и метафорической моделям, построенным на множестве засвидетельствованных употреблений. В разных контекстах чувство долга эксплицируется в поясняющих его выражениях и по отношению к возлагаемым на человека обязанностям — службе, работе, труду; и по отношению к смежным понятиям — ответственности, совести, достоинству и чести; и по отношению к сопутствующим чувствам и переживаниям — радости, торжеству, страху, вине. Пропозициональная модель предоставляет, кроме того, информацию о том, что приложимые к долгу действия-предикаты варьируются в зависимости от позиции в синтаксической структуре высказывания. В функции семантического объекта к долгу приложимы предикаты *чувствовать, исполнять, нарушать, забывать*. В функции семантического субъекта долг переосмысливается поверх категориальных границ в терминах пропозициональной модели, подходящей скорее для внутреннего голоса, живого существа, властной инстанции, непосильного груза, неподвластной человеку силы. По аналогии с внутренним голосом долг *зовет, призывает*; по аналогии с живым существом — *пробуждается*; по аналогии с непосильным грузом — *гнетет и давит*; по аналогии с властной инстанцией — *повелевает, приказывает, вынуждает*; по аналогии с силой — *побеждает и торжествует*.

Ключевые слова: русский язык, языковая картина мира, корпусный анализ, лингвоспецифичные слова, пропозициональная модель, концептуальная метафора, социальные нормы.

Введение

О долге сказано немало — и философами, и психологами, и лингвистами, определяющими искомое понятие в поле долженствования в качестве этического или правового концепта в связи с алетической и деонтической модальностью, внешней и внутренней необходимостью поступка, интересом, потребностью и необходимостью, предписаниями совести, морали и права, поведенческими нормами, родственными концептами и сопутствующими культурными ассоциациями [Булыгина 1990; Булыгина, Шмелев 1997; Ильин 2001; Кошелев 2000; Степанова 2009]. Малоизученным остается, вместе с тем, определение долга как чувства, внутреннего состояния, или «состояния души», как, впрочем, и обследование лингвоспецифичных особенностей обозначающих его выражений¹ на значительном корпусе употреблений. При этом недостаточно сказать, что долг противопоставляется обязанности в рамках характерной для русского языка аксиологической поляризации 'высокий' — 'низкий'²; требуется обследовать, кроме того, и некоторые другие параметры, в том числе дистрибутивные возможности, предметно-понятийные соответствия, способность аккумулировать «ключевые идеи» русской языковой картины мира, предрасположенность ассоциироваться с определенными переживаниями, представлениями и ситуациями в релевантном для человека контексте жизни. Критерием лингвоспецифичности как особой концептуальной конфигурации, характерной именно для данного языка, становятся, в таком случае, специфичные условия употребления, гарантом достоверности полученных результатов — представительный корпус исследовательского материала, условием актуальности — антропологическая направленность корпусного исследования.

Предметом статьи является корпусное исследование чувства долга, причем не самого по себе, а в поясняющих его выражениях и высказываниях, с целью установления на значительном массиве употреблений, как концептуализируется чувство долга в русском языковом сознании в связи с прохождением через такие культурно-языковые фильтры, как пропозициональные установки, предметно-понятийные корреляции, метафорические преобразования. Обращение к Национальному корпусу русского языка представляется при этом тем более оправданным, что содержание анализируемого концепта, как и экспликация связанных с ним норм, ситуаций и переживаний, не представлено исчерпывающим образом ни в одном

¹ По замечанию Анны А. Зализняк, к лингвоспецифичным словам можно отнести практически любое слово языка [Зализняк 2015: 698], а не только такие сугубо русские слова, как *душа*, *тоска* или *судьба*. При условии, разумеется, если критерием лингвоспецифичности признавать особую концептуальную конфигурацию, характерную именно для данного слова данного языка [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012].

² По наблюдениям Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, различие состоит главным образом в том, что обязанность воспринимается как «нечто условное, определяемое социальными конвенциями», тогда как долг представляет собой «моральную норму, существующую независимо от воли его носителя или каких-либо посторонних лиц» [Булыгина, Шмелев 1997: 238–240; Шмелев 2005: 27–28]. Аналогичным можно вместе с тем признать и противопоставление *devoir* — *obligation* во французском языке. Ср. ...*quand on n'est rien, et qu'on est sans espoir, la vie est un opprobre, et la mort un devoir* «Когда жизнь — ничто, надежда потеряна, жизнь — позор, а смерть — долг» (Вольтер, Меропа, действие 2, явление 7). В этой связи вряд ли можно согласиться с утверждением А. Д. Кошелева, что для понимания русской фразы *Он выполнил свой сыновний долг* иностранец вправе подставить вместо слова *долг* известное ему слово *обязанность* [Кошелев 2000: 120].

из отдельно взятых контекстов употребления, а реконструируется, если быть точным и строгим, на совокупности всех засвидетельствованных употреблений.

Содержание долга в определениях русского языка

В толковом словаре русского языка *долг* определяется как: 1 — то же, что обязанность. *Гражданский долг. Выполнить свой долг. Защита Отечества — священный долг каждого гражданина Советского Союза. По долгу службы. Человек долга* (честно выполняющий свои обязанности). *Отдать последний долг кому-н.* (перен.: почтить память умершего, прощаясь с ним при погребении); 2 — то, что взято взаймы (преимущ. деньги). *Наделать долгов. Войти, влезть в долги* (сделать много долгов). *Жить в долг* (на занятые в долг деньги). *По уши в долгах* (очень много должен). *Не выходит (не вылезает) из долгов* (все время кому-н. должен). *Взять в долг* (взаймы с последующей отдачей). *В долгу перед кем или у кого* — обязан кому-н. чем-н. *Не остаться в долгу у кого-н.* — отплатить тем же самым (С. И. Ожегов).

Во втором значении *долг* не имеет отношения к эмоциям и чувствам, как, впрочем, и возлагаемая на человека обязанность, отраженная в первом значении. Собственно чувством как таковым может быть, пожалуй, только эмоционально-психологическое состояние («состояние души») в связи с переживанием какого-то поступка как «объективной необходимости... по обязательности» (И. Кант). Неслучайно в языке *долг* определяется, пусть это и не чувство подобно страху, радости или отчаянию, как *чувство*: *чувство долга*. Разумеется, означенное выражение — еще не речательство, что долг есть чувство, а скорее довод в пользу того, что в русском языке долг чувствуют³ и что ему соответствует определенное внутреннее состояние⁴, охарактеризовать которое можно и в терминах ментального состояния в связи с осознанием какой-то обязанности, и в терминах эмоционального состояния в связи с сопутствующими переживаниями. В первом случае изучению подлежит сфера деонтической модальности с необходимостью уяснить нормы и нормативные понятия морального или правового характера [ср.: Булыгина, Шмелев 1997: 233–240], во втором — чувственная субстанция с необходимостью уяснить, как переживаются субъектом долга возложенные на него обязанности и обязательства [ср.: Ильин 2001: 335–336].

В первом приближении установить, какие смыслы вкладываются в понятие долга, можно по известным тавтологичным оборотам типа *долг есть долг*: ср. ...*долг остается долгом, даже под Новый год* (Н. Н. Шпанов) или *Долг есть долг, его не обсуждают, вокруг него не препираются, а просто берут и выполняют* (П. Мейлахс). С точки зрения формальной логики такие высказывания истинны независимо от

³ Ср. аналогичное замечание Анны А. Зализняк о чувстве справедливости [Зализняк 2005: 286].

⁴ Общность семантики всех обозначений чувств определяется, таким образом, тем, что ситуация, с которой они соотносятся, может быть охарактеризована как ситуация в н у т р е н н е г о с о с т о я н и я человека — ф и з и о л о г и ч е с к о г о вроде чувства голода, э м о ц и о н а л ь н о г о вроде чувства радости или страха, м е н т а л ь н о г о вроде чувства долга или ответственности, э с т е т и ч е с к о г о вроде чувства меры и красоты. Семиотически значимыми становятся при этом такие и только такие чувства и переживания, языковая репрезентация которых не ограничивается описанием реакции вроде учащенного сердцебиения, покраснения или побледнения лица, а предполагает сверх того дополнительную обработку посредством собственно языковых средств выражения.

значения переменных, но при этом неинформативны, поскольку понятие определяется через самое себя по тождественно-истинной формуле $A = A$.

Действительно, если признать, что содержание выражения *долг* идентично в обоих употреблениях, тогда оно и в самом деле неинформативно, пусть и истинно, поскольку не сообщает ничего нового об определяемом понятии за исключением разве только такого свойства долга, как 'обязательность исполнения чего-то независимо от обстоятельств', в контексте (1) «даже под Новый год» или (2) «его не обсуждают, вокруг него не препираются».

В согласии с постулатом информативности истолковать тавтологичное высказывание можно путем различения обоих употреблений лексемы *долг*, т. е. путем семантического расподобления внешне тождественных выражений, дабы содержание выражения в левой позиции отличалось хотя бы по одному признаку от содержания выражения в правой позиции: напр. *долг₁* 'частный случай' — *долг₂* 'вообще'. В первой позиции экспликации подлечит возлагаемая на субъект обязанность, во второй — понятие долга вообще. При этом под *долг₁* как непосредственно осознаваемую внутреннюю или внешнюю необходимость могут подводиться в разных контекстах мнения разные обязанности: напр. *повиноваться*: ...*мой долг вам повиноваться* (А. С. Пушкин), *уважать родителей*: *Человек родится — его долг уважать родителей* (М. Е. Салтыков-Щедрин), *прилежно учиться и уважать наставников*: *Человек поступает в школу — его долг прилежно учиться и уважать наставников* (М. Е. Салтыков-Щедрин), *охранять законы*, *не смотря на лица*: *Ваш долг есть — охранять законы, на лица сильных не взирать* (Ю. П. Герман), *выполнять заветы Ильича*: ...*сегодня наш долг — выполнить завет Ильича* (О. Новикова) и проч.

За отсутствием контекста невозможно действительно понять, какие смыслы надлежит подводить под долг, как и под связанное с ним чувство ответственности перед другими. Например, в каком смысле некая Таня — *человек долга* (И. Грекова), что значит *исполнить долг честного человека и мужчины* во фразе *Исполнив свой долг честного человека и мужчины, Лаптев удалился* (А. Слаповский), что скрывается за *сознанием долга* в выражениях *со сладким сознанием выполненного долга* (М. Е. Салтыков-Щедрин), *отсутствие сознания долга* (В. Г. Короленко) или *Сознания долга нет у тебя* (З. Н. Гиппиус)? Интерпретантом подобных суждений может быть либо поясняющий лингвистический контекст, либо широкий прагматический контекст в виде совокупности заведомо известных норм-формулировок, сообразуясь с которыми можно судить, действительно ли Таня — «человек долга», в чем состоит долг Лаптева как «честного человека и мужчины» и каким должно быть вообще «сознание долга».

Приведенные рассуждения позволяют понять, что при общей деонтической модальности содержание долга варьируется от ситуации к ситуации и что реконструировать ситуацию долга как осознание какой-то внешней или внутренней необходимости в отношении себя и других можно только с учетом таких параметров⁵, как предметная область, социальные нормы и отношения между фигурантами⁵, по модели: X чувствует необходимость поступка Z в интересах Y -а (где X -долг кого?

⁵ На межличностный характер долга как чувства-отношения указывает наличие у слова *долг* валентности как для носителя долга (чей долг?), так и для того, кому выгодно или угодно то, что требует долг (долг перед кем?); причем заполнение второй валентности может быть контекстным

и $Y_{\text{-долг перед кем?}}$ — фигуранты ситуации долга, Z — поступок, совершаемый в согласии с какой-то определенной, пусть и не всегда эксплицированной, нормой-формулировкой морального или правового свойства).

Раскрыть значение переменных X , Y и Z можно с исчерпывающей полнотой только на значительном корпусе употреблений. Так, по данным Национального корпуса русского языка (общим объемом свыше девяти тысяч вхождений), русский человек испытывает чувство долга перед всеми и вся ($Y_{\text{-долг перед кем}}$) — миром, человечеством, Родиной, Господом, совестью, партией, страной, Россией, государством, властью, народом, обществом, памятью, людьми, близкими, семьей, мужем, женой, родителями, матерью, отцом, детьми, внуками, историей, традицией, городом и его обитателями, начальником, подчиненными, слабыми, страждущими, литературой, искусством, жизнью, погибшими, природой, Европой и проч. При этом долг перед Родиной и государством (гражданский долг) не совпадает никоим образом с долгом перед мужем или женой (супружеский долг), долг перед родителями, матерью и отцом (сыновний/дочерний долг) — с долгом перед партией (партийный долг), долг перед Господом (христианский долг) — с долгом перед гостями (долг гостеприимства), долг перед историей (исторический долг) — с долгом перед страждущими (долг милосердия).

Судя по высказываниям, функционирующим в качестве своеобразных норм-формулировок, содержание долга варьируется вместе с требованиями, предъявляемыми к вовлеченным в ситуацию долга фигурантам ($X_{\text{-долг кого}}$) — гражданину, военнослужащему, начальнику, подчиненному, мужу, жене, подруге, честному человеку и проч. Недифференцированный по статусу и полу долг вежливости предписывает соблюдать правила приличия: *А тот скорее по привычке, чем по долгу вежливости, расшаркался перед нею* (А. С. Новиков-Прибой); *гражданский долг — жить в России: ...долг каждого русского оставаться в России* (Н. Н. Шпанов), *служить России: Ваш долг — служить России!* (Л. Юзефович), *платить налоги: Теперь тебе нужно выполнить гражданский долг и уплатить налоги* (А. Рубанов), *помогать правоохранительным органам: Мой долг — помочь родной милиции* (Е. Сухов); *долг чести — быть верным слову: А долг чести? А верность слову?* (А. И. Куприн), *держат обещание: Выполнить обещание — долг чести* (Н. Дубов), *платить по долгам: Имею долг чести, а платить нечем* (М. А. Булгаков); *долг справедливости — вступаться за справедливость: Полина считала своим долгом вступить за справедливость* (И. Ефимов); *служебный долг — прилежно служить и уважать начальников: ...поступает на службу — его долг прилежно служить, хранить канцелярскую тайну и уважать начальников* (М. Е. Салтыков-Щедрин); *воинский долг — быть верным присяге: Осмелюсь доложить, что я помню присягу и долг чести* (К. М. Станюкович), *подчиняться начальникам: Ваш казачий воинский долг призывает вас подчиняться своим начальникам* (М. А. Шолохов), *исполнять приказы: Не забывай никогда, что первый долг военного человека — свято и не рассуждая исполнять приказания своих начальников* (М. Н. Загоскин), *бить врага: Выполняйте честно свой долг! Бейте врага!* (В. Астафьев), *жертвовать собой, защищая Родину: Наш долг — выполнять приказ. Скажут умри — умрем!* (Г. Я. Бакланов); *долг порядочного мужчины — не обманывать женщин:*

(*долг христианина* = 'долг перед Богом', *гражданский долг* = 'долг перед Родиной', *по долгу дружбы* = 'долг перед другом'), а может и вообще не иметь места [Булыгина, Шмелев 1997: 237].

...не обманывать женщину — это долг всякого, хоть сколько-нибудь честного человека (А. Ф. Писемский), жениться, раз обещал: Женюсь из чувства долга (С. Довлатов); долг мужа — быть хорошим мужем: ...мой долг быть хорошим мужем (М. Н. Загоскин), руководить и наставлять жену: ...человек женится — его долг руководить и наставлять жену (М. Е. Салтыков-Щедрин), быть хорошим отцом, приносить в дом деньги и исправно исполнять супружеский долг: Он был хорошим мужем и хорошим отцом, приносил в дом деньги и систематически исполнял в постели супружеский долг (А. Маринина); долг жены — быть любящей женой: ...первый долг женщины — стать любящей женой (Н. Э. Гейнце), составить счастье мужа: Дуня, кроме того что девушка умная, — в то же время существо благородное, как ангел, и за долг поставит себе составить счастье мужа (Ф. М. Достоевский), рожать детей: Я выполнила долг каждой женщины с нормальным развитием и наследственностью — два ребенка, не меньше (И. А. Ефремов), ограждать мужа от житейских мелочей: Долг жены — ограждать труды и досуги мужа от житейских мелочей (Б. А. Садовской); родительский долг — воспитывать детей: ...человек приобретает детей — его долг любить их и внушать им понятия о долге, дабы и они, в свою очередь, и своим детям преподали таковые же (М. Е. Салтыков-Щедрин); сыновний/дочерний долг — почитать родителей: ...первый долг детей — почитать своих родителей (М. Е. Салтыков-Щедрин); христианский долг — прощать: Еще если бы честь моя не была оскорблена, конечно, по долгу христианина, я мог бы, я даже должен бы был простить (М. Е. Салтыков-Щедрин) и страдать: Наш долг перед Богом приказывает нам страдать! (М. Горький).

В таком многообразии толкований универсальной можно с очевидностью признать только деонтическую модальность, общую для всех ситуаций долга, но отнюдь не избираемые в качестве точки отсчета социальные нормы, относительно которых устанавливают применительно к той или иной области определения содержание долга. Взаимодействие между разными нормами-формулировками слишком сложно и многообразно, чтобы представлять его как заведомо простой конгломерат в отношении сложения, ни тем более утверждать выполнимость сразу всех норм-формулировок [ср.: Фригт 1986: 301–302, 305–306]. В диапазоне допустимого варьирования приложимые к долгу нормы-формулировки могут соотноситься между собой по принципу дополнительности⁶, входить в противоречие, быть совместимыми или несовместимыми, преобразовываться, подавляться и исчезать с течением времени. Причем понять, почему в суждении о долге избирается такая, а не какая-то другая норма-формулировка, можно только путем воссоздания базисной установки мнения, определяющей сообразно сложившемуся в социуме распределению ролей и функций, что должно человеку как гражданину, как товарищу, как христианину, как военнослужащему, как мужу, как жене и просто как порядочному человеку. Ибо мало установить параметры ситуации долга, надо еще и знать, какая отводится здесь фигурантам роль и какой является, говоря словами И. Гофмана, субъективная «вовлеченность» (involvement) в ситуацию. В противном случае нельзя понять, соответствует ли тот или иной человек возлагаемым на него обязанностям и можно ли его по праву назвать человеком долга.

⁶ Ср.: ...у каждого человека есть долг, долг гражданина, семьянина, солдата, а также школьника (В. В. Набоков).

По **основанию** долг может быть государственным: Он выполнил государственный долг, приказ державы и государыни (Л. Зорин), гражданским: Это наш с вами гражданский долг (В. П. Катаев), общественным: ...по чувству долга общественного (А. В. Амфитеатров), социальным: Социальный долг <...> сплетается у них с чувством естественного человеческого долга (В. Пелевин), семейным: В замужней женщине, которая так искренно и хорошо говорила о своем семейном долге, о своем уважении к нелюбимому мужу (А. В. Амфитеатров), супружеским: ...его жена принадлежит к разряду тех женщин, которые выше всего ставят исполнение своего супружеского долга (А. К. Шеллер-Михайлов), служебным: Быть честным и правдивым — значит не за страх, а за совесть выполнять служебный долг (И. Ф. Стаднюк), трудовым: Он был человек труда и трудового долга, а на таких людях держится мир (А. Рыбаков), воинским: ...уклоняется от выполнения своего воинского долга (Ю. Герман), интернациональным: ...за выполнение интернационального долга в Анголе поощренная отдельной квартирой (А. Браво), революционным: ...революционный долг для них был выше всего (А. Рыбаков), патриотическим: Я готов выполнять свой патриотический долг (Ф. Искандер), социалистическим: В Косте живет чувство социалистического долга самого худшего толка (Ю. Азаров), коммунистическим: ...он знает коммунистический долг лучше (Л. Лунц), партийным: Что касается меня, я выполнял свой партийный долг (В. Гроссман), комсомольским: ...ее комсомольский долг (А. Солженицын), христианским: ...приготовиться к смерти по долгу христианскому (С. Т. Аксаков), долгом чести: А если у меня есть дела личные, понимаете, личные, так сказать, долг чести? (Ю. О. Домбровский), долгом справедливости: ...долг справедливости требует сказать (Н. В. Гоголь), долгом милосердия: Решила посетить недужную, исполнить, так сказать, долг милосердия (М. Зосимкина), долгом гостеприимства: Долг гостеприимства повелевает мне предложить вам новейшие объекты банной индустрии города (Т. Мамаладзе), долгом вежливости: ...забыл долг вежливости (М. Ю. Лермонтов);

по **сопутствующим переживаниям** — приятным: А на меня лично возложен приятный долг принять, освободить и доставить в Москву, а там уже его сын встретит (Ю. О. Домбровский), неприятным: Исполнив этот неприятный долг, он бросился вперед, увлек за собою солдат и до самого конца дела предельно кровно перестреливался с чеченцами (М. Ю. Лермонтов), тяжелым: Она шла к нему, исполняя тяжелый долг (А. И. Куприн), лестным: Служить счастьем женщин — долг столь же лестный, сколь и неблагодарный (Ю. Н. Тынянов);

по **исполнимости** — исполненным: ...награда за честно исполненный долг (В. В. Верещагин), невыполнимым: Диму мучило сознание невыполненного долга: он не поговорил с Эльвирой о важном и серьезном (А. Слаповский);

по **очередности** — первым: Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество (Н. В. Гоголь), последним: Да, умереть с достоинством — последний долг (Д. С. Мережковский);

по **функциональной характеристике субъекта** — врачебным: Мы спасали вас потому, что это наш врачебный долг (И. Грекова), педагогическим: ...я не расслышал, что именно подсказывает Николаю Антонычу его педагогический долг (В. Каверин), преподавательским: Ссылаясь на большую загрузку и преподавательский долг (О. Славникова), бригадирским: Саши считали

тал своим комсомольским и бригадирским долгом ликвидировать эти настроения (В. Ф. Панова), чекистским: ...он исполнил свой чекистский долг (В. Кожевников), солдатским: ...сложные понятия солдатского долга и чести как бы полностью снимали ответственность и вину (Г. Я. Бакланов), товарищеским: ...они вспомнили о товарищеском долге (И. А. Ефремов), пастырским: Мой пастырский долг, по силе возможности, исполнен (В. В. Крестовский), родственным: ...такой на нем лежит родственный долг (М. Чулаки), родительским: Мы весь родительский долг исполнили, немца приняли и деньги по третям наперед ему платим (Д. И. Фонвизин), отцовским: ...исполнять отцовский долг можно и автономно (Е. Романова, Н. Романов), материнским: Я свой материнский долг выполнила (М. Трауб), сыновним: Ты до конца выполнял свой сыновний долг (М. Дяченко, С. Дяченко), дочерним: Почему обязана? Как почему: дочерний долг (А. Слаповский), сестринским: Любка обещала приехать сегодня же, — как же, спешит выполнять свой сестринский и христианский долг (М. Чулаки), долгом жены: Она свой долг жены исполняла и дальше свято и честно, без компромиссов (П. Н. Краснов), долгом мужа: ...мой долг — быть хорошим мужем (М. Н. Загоскин) и проч.

Предметно-понятийные корреляции

Отразить возможные ситуативные толкования долга в плане концептуальной его конфигурации в русской языковой картине мира позволяют, кроме того, и установленные в корпусе предметно-понятийные корреляции. Как свидетельствуют примеры, долг сочетается по принципу дополнительности с ответственностью: ...говорил о долге и ответственности (Г. Газданов), правом: Протестовать — это же ваше право, нет — долг! (Д. Гранин), обязанностью: Что ж, православные, по мере силы-возможности каждого есть долг и обязанность! (М. Е. Салтыков-Щедрин), законом: ...чего требует от нас закон, долг и справедливость? (Н. В. Гоголь), справедливостью: Полина считала своим долгом вступить за справедливость (И. Ефимов), совестью: Говорят: «долг, совесть», — я ничего не хочу говорить против долга и совести, — но ведь как мы их понимаем? (Ф. М. Достоевский), честью: Нет больше чувства долга, нет чести (А. Н. Толстой), достоинством: И честь-достоинство, и долг, и зов земли родной поруганной, и страх позора навсегдашнего, страшнейшего, чем смерть? (С. Самсонов), гордостью: Чувство совершенного долга, торжества, чувство гордости наполнило его душу (И. С. Тургенев), нравственностью: ...поднять их нравственность, пробудить в их душах сознание долга (А. И. Куприн), честностью: ...я пришел сейчас к каким-то элементарным понятиям, к самым первым ценностям: скверности, жалости, долгу, честности (В. Аксенов), присягой: ...ничего не поделаешь — долг, присяга — идешь! (А. И. Куприн), клятвой: Забыты были и долг, и клятва перед церковным алтарем (Н. Э. Гейнце), верностью: Разве у вас есть чувство долга? Разве вы способны на верность? (А. Н. Вербицкая), доблестью: Недавно были святы долг перед родиной, военная доблесть, высокие общественные чувства (Б. Л. Пастернак), храбростью: ...выбор, сделанный под влиянием, например, чувства долга, есть храбрость (Л. Н. Толстой), подвигом: ...ты, может быть, думаешь, что я притворяюсь, говоря о долге, о подвигах (Ф. М. Достоевский), работой: ...это наша работа и долг (С. Лукьяненко), трудом: Подтягин выпива-

ет сразу полбутылки и больше уже не думает о труде, долге и честности (А. П. Чехов), жертвенностью: *Такая женщина не скажет: «Я сплю с мужиком, потому что мне хочется этого», а она скажет: «Таков мой долг, мне его жалко, я принесла себя в жертву»* (В. Гроссман), страданиями: *Он уходил в свою жизнь, где больше не было счастья, а только долг и страдания* (В. Токарева), состраданием: *Долг выше сострадания* (О. Куваев), жалостью: *Маша приехала не из чувства жалости и долга, а по настоящей, крепкой любви!* (О. Д. Форш), чувством: *Предчувствие тяжелой борьбы между чувством и долгом рисовало ей мрачные картины будущего* (Н. Э. Гейнце), чувствительностью: *...чувство долга взяло верх над чувствительностью* (М. Е. Салтыков-Щедрин), любовью: *...разрываясь между чувством долга и любовью* (В. А. Каверин), счастьем: *...я себе делаю из этого долг и счастье* (В. В. Набоков), заботой: *Это все вы с Лидушкой идиотничали, забота, долг, сюси-пуси!* (М. Зосимкина), человечностью: *Я вижу, в вас сейчас борются долг и человечность* (М. Чулаки), слабостью: *...чувство долга восторжествовало во мне над слабостью человеческою* (А. С. Пушкин), виной: *...взыграло бы чувство вины, долга, кинулся бы спасать, жениться* (Т. Набатникова), преступлением: *Это не преступление, а исполнение долга* (Л. А. Чарская), судьбой: *...покорность долгу и судьбе владела им* (С. Самсонов), памятью: *...мой долг перед его памятью* (М. А. Осоргин), целью жизни: *...видел в том свой долг и цель жизни* (Н. Дубов), смертью: *...смерть и выполнение долга или жизнь!* (Н. Н. Шпанов), интересом: *...я по долгу делаю, а не за интерес* (Г. В. Алексеев) и проч.

В разных контекстах употребления долг определяется, таким образом, и в отношении к возлагаемым на человека обязанностям — *службе, работе, труду*; и в отношении к смежным морально-этическим понятиям — *ответственности, совести, достоинству и чести*; и в отношении к сопутствующим чувствам и переживаниям — *гордости, радости, торжеству, покорности, вине*; и в отношении к контрарным понятиям — *состраданию, жалости, любви, интересу*. Предпосылкой такой сочетаемости служит как многообразие ситуаций, так, собственно, и потребность раскрыть содержание долга в многообразии возможных его толкований в отношении к главным сопутствующим смыслам, так или иначе встроенным в семантику долга в русской языковой картине мира. В контексте «закон» — это ‘обязательная для исполнения норма поведения’, в контексте «ответственность» — ‘необходимость отвечать за свои действия и поступки’, в контексте «совесть» — ‘нравственный императив’, в контексте «гордость» — ‘связанное с исполнением долга чувство достоинства и самоуважения’, в контексте «честь» и «достоинство» — ‘доброе имя и незапятнанная репутация’, в контексте «служба», «работа» и «труд» — ‘способ проявления’, в контексте «счастье» — ‘состояние наивысшего удовлетворения’, в контексте «любовь» и «интерес» — ‘противоположение’ и т. д.

Пропозициональная модель

Пропозициональная модель, построенная на Национальном корпусе русского языка, предоставляет, кроме того, информацию о том, что приложимые к долгу действия-предикаты варьируются в зависимости от позиции в синтаксической структуре высказывания.

В функции семантического объекта к долгу приложимы, в частности, предикаты чувствовать: *Никто своего малейшего долга не чувствует и не исполняет* (Н. Э. Гейнце), нести: *Она на войну пошла сестрою милосердия, и без трепета, ничего не боясь, понесла свой долг сестры* (П. Н. Краснов), и исполнять: *Воевал, как все, исполнял свой долг, как другие* (И. Грекова), выполнять: *Будем честно выполнять свой долг* (Э. Г. Казакевич), нарушать: *Вы нарушили ваш долг* (А. П. Чехов), преступать: *Какой долг я преступила, против чего согрешила я?* (И. С. Тургенев), знать: *Но мы тоже знаем свой долг* (О. М. Сомов), вспоминать: *Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною* (Б. С. Житков), забывать: *Забыли воины свой долг* (Ф. К. Сологуб) и т. д.

В функции семантического субъекта долг переосмысливается поверх категориальных границ в терминах пропозициональной модели, подходящей скорее для внутреннего голоса, живого существа, властной инстанции, непосильного груза, неподвластной человеку силы [ср.: Булыгина, Шмелев 1997: 244; Шмелев 2005: 27; Степанова 2009]. По аналогии с внутренним голосом долг зовет: *На фронт, друзья, на фронт! Долг зовет!* (А. Веселый), призывает: *Иди, куда призывает тебя долг, честь и присяга!* (Ф. В. Булгарин); по аналогии с живым существом — пробуждается: *Во мне пробудилось чувство долга* (П. И. Дубровин); по аналогии с непосильным грузом⁷ — лежит на совести: *Сей долг лежит на совести каждого* (Г. И. Чулков), гнетет и давит: *...сознание долга гнетет и давит* (С. Соколов); по аналогии с властной инстанцией — повелевает: *Мой долг повелевает мне сказать* (М. Ю. Лермонтов), велит: *Но долг велит мне добрых миловать, а злых казнить* (Д. С. Мережковский), приказывает: *Наш долг перед Богом приказывает нам страдать!* (М. Горький), предписывает: *Военный долг, собственно, предписывал ему сжечь дотла монастырь* (М. А. Алданов), обязывает: *Долг обязывает их постигать науку* (О. Онойко), требует: *...долг справедливости требует сказать, что одно значительное лицо скоро по уходе бедного, распеченного в пух Акакия Акакиевича почувствовало что-то вроде сожаления* (Н. В. Гоголь), вынуждает: *Долг мужчины вынудил его лечь рядом* (А. Азольский); по аналогии с неподвластной человеку силой — побеждает: *Наконец долг победил страсть* (А. А. Бестужев-Марлинский), торжествует: *...чувство долга восторжествовало во мне над слабостью человеческою* (А. С. Пушкин).

Разумеется, в условно-истинностном исчислении метафорические дескрипции вида *долг повелевает, пробудилось чувство долга или чувство долга восторжествовало* представляются неприемлемыми и даже, можно сказать, ложными по сравнению с дескрипцией вида *исполнить свой долг*. Но если о соответствии присоединенного предиката судить по засвидетельствованным словоупотреблениям, о сообразности пропозиции следует тогда судить только по тому, насколько узальным является такое словоупотребление⁸. Более того, подобное понимание долга

⁷ Вопреки распространенному мнению, что в отличие от обязанности *долг* нельзя метафоризовать как груз [Шмелев 2005: 27]. Нельзя, действительно, сказать: **возложить долг*, зато можно сказать: *Сей долг лежит на совести*. Аналогичным образом нельзя сказать: **У него нет долга*, зато можно сказать: *У него нет чувства долга или Сознания долга нет у тебя*.

⁸ Так переосмысливаются кардинальным образом критерии верификации истинностного значения суждений. В системе общих мнений и представлений (*doxa*) это соответствие тому, во что верит или с чем соглашается независимо от реального положения вещей большинство представителей данного языкового сообщества.

укореняется в обыденном сознании настолько, что носители языка не обращают внимания на метафорические выражения вида *долг велит*, а принимают их чуть ли не за объективную характеристику долга. Аргументом в пользу такой концептуализации становится если не абсолютно истинное, то хотя бы не подлежащее сомнению общепринятое мнение, что долг действительно лежит на совести, зовет, призывает, вынуждает, обязывает, повелевает, велит, приказывает, гнетет и давит.

Так приходим к следующим выводам.

- Рус. *чувство долга*, пусть и имеет переводные эквиваленты в других языках, лингвоспецифично.
- О лингвоспецифичности как особой концептуальной конфигурации, характерной именно для данного языка, можно судить и по засвидетельствованным в русском языке предметно-понятийным корреляциям, и по построенным на множестве употреблений пропозициональной и метафорической моделям.
- Концептуальная конфигурация долга не представлена в «готовом виде» ни в одном из отдельно взятых употреблений, а раскрывается в единстве многообразия на множестве всех (или почти всех) возможных употреблений, засвидетельствованных в Национальном корпусе русского языка.
- Способы и средства выражения чувства долга, как и обусловленные им эмоциональные состояния, коррелируют с базисными установками мнения, на которых основываются культура и социальные институты вроде семьи и государства.

Источник

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

Литература

- Булыгина 1990 — Булыгина Т. В. Долг и родственные концепты. В кн.: *Логический анализ языка. Концептуальный анализ: методы, результаты, перспективы. Тезисы конференции*. М.: Ин-т языкознания РАН, 1990. С. 18–19.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Концепт долга в поле долженствования. В кн.: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 233–240.
- Вригт 1986 — Вригт Г. Х. фон. Нормы, истина и логика. В кн.: Вригт Г. Х. фон. *Логико-философские исследования: Избранные труды*. Пер. с англ. П. И. Быстрова. М.: Прогресс, 1986. С. 290–410.
- Зализняк 2005 — Зализняк А. А. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции. В кн.: Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сб. статей*. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 280–288.
- Зализняк 2015 — Зализняк А. А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа. В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2015)*. Селегей В. П. (ред.). Вып. 14 (21). Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 683–695.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012 — Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. *Константы и переменные русской языковой картины мира*. М.: Языки славянской культуры, 2012. 696 с.
- Ильин 2001 — Ильин Е. П. *Эмоции и чувства*. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
- Кошелев 2000 — Кошелев А. Д. О языковом концепте 'долг'. В кн.: *Логический анализ языка. Языки этики*. Арутюнова Н. Д. (ред.). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 119–124.

- Степанова 2009 — Степанова О. В. Образная составляющая концепта «долг» в текстах русской художественной литературы. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2009, 1 (3): 193–196.
- Шмелев 2005 — Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души». В кн.: Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сб. статей*. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 25–36.

Статья поступила в редакцию 26 мая 2017 г.
Статья рекомендована в печать 6 декабря 2017 г.

Andrey Evgenyevich Bochkarev

National Research University Higher School of Economics,
25/12, Bolshaya Pecherskaya Str., Nizhniy Novgorod, 603155 Russia
bochkarev.andrey@mail.ru; abotchkarev@hse.ru

On the sense of duty as a language-specific concept (in the focus of the National Russian Corpus)

For citation: Bochkarev A. E. [On the sense of duty as a language-specific concept (in the focus of the National Russian Corpus)]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (1): 20–32. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.102> (In Russian)

The article explores a sense of duty as a language-specific concept in the Russian language conscience. In this regard, the National Russian Corpus is more appropriate because a conceptual configuration of an analyzed concept is not present in “finished” form in any single utterance but may be reconstructed only on the totality of all possible utterances. The specific conceptual configuration is manifested in many ways: distribution, ability to accumulate some Russian “key ideas”, predisposition to be associated with some emotional attitudes, propositional and metaphorical models. According to the National Russian Corpus, a sense of duty is defined, in different contexts, in relation to human responsibilities such *service* and *work*; related concepts such *responsibility*, *conscience*, *dignity* and *honor*; related emotions and feelings such *pride*, *joy*, *celebration*, *obedience*, *fear* and *guilt*. The propositional model, built on the National Russian Corpus, includes information that predicates applied to *duty* vary with the position in the syntactic structure of the proposition. As a semantic object duty is felt, carried, carried out, executed, violated, transgressed, known, remembered and forgotten. As a semantic subject duty is redefined over the categorical boundaries in terms of propositional models appropriated for an inner voice, human being, breaking load, or power.

Keywords: Russian language, language picture of the world, corpus analysis, language-specific words, propositional model, conceptual metaphor, social conventions.

References

- Булыгина 1990 — Bulygina T. V. [Duty and Related Concepts]. In: *Logicheskii analiz iazyka. Kontseptual'nyi analiz: metody, rezul'taty, perspektivy. Tezisy konferentsii*. М.: In-t iazykoznanii RAN, 1990. P. 18–19. (In Russian)
- Булыгина, Шмелев 1997 — Bulygina T. V., Shmelev A. D. [The Concept of Duty in the Field of Duty]. In: Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki)*. М.: Iazyki russkoi kul'tury, 1997. P. 233–240. (In Russian)
- Вригт 1986 — Wright G. H. von. [Norms, Truth and Logic]. In: Wright G. H. von. *Logiko-filosofskie issledovaniia: Izbrannye trudy*. Transl. from English by P. I. Bystrova. М.: Progress, 1986. P. 290–410. (In Russian)

- Зализняк 2005 — Zalizniak Anna A. [Notes on the words ‘communication’, ‘attitude’, ‘feelings’, ‘emotions’]. In.: Zalizniak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Kliuchevye idei russkoi iazykovoi kartiny mira. Sb. statei*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2005. P. 280–288. (In Russian)
- Зализняк 2015 — Zalizniak Anna A. [Russian Language-specific Words as an Object of Contrastive Corpus Analysis]. In: *Komp’iuternaia lingvistika i intellektual’nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Selegei V. P. (ed.). Issue 14 (21). Vol. 1. Moscow: Russian State University for the Humanities (RGGU), 2015. P. 683–695. (In Russian)
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012 — Zalizniak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennye russkoi iazykovoi kartiny mira*. [Constants and Variables of the Russian Language Picture of the World]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2012. 696 p. (In Russian)
- Ильин 2001 — Il’in E. P. *Emotsii i chuvstva* [Emotions and Feelings]. St. Petersburg: Piter Publ., 2001. 752 p. (In Russian)
- Кошелев 2000 — Koshelev A. D. [On the Linguistic Concept of Duty]. In.: *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki etiki*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Languages of Russian culture, 2000. P. 119–124. (In Russian)
- Степанова 2009 — Stepanova O. V. [Figurative Component of the Concept of duty in the Russian Literature]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2009, 1 (3): 193–196. (In Russian)
- Шмелев 2005 — Shmelev A. D. [Lexical Composition of the Russian Language as a Reflection of the Russian Soul]. In.: Zalizniak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Kliuchevye idei russkoi iazykovoi kartiny mira. Sb. statei*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2005. P. 25–36. (In Russian)

Received: May 26, 2017
Accepted: December 6, 2017